

ВЛАД РЕВЗИН

УВЕ КЛЮГ

1939

ПАЛАЧИ
И
ПРОХОДИМЦЫ
ВРЕМЕН
АНШЛЮСА

Влад Ревзин
Палачи и проходимцы
времен аншлюса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57282880

ISBN 9785005124036

Аннотация

Чиновник гестапо принуждает бывшего полицейского отправиться в качестве «особого представителя» в Вену для деликатного расследования. В Столице Остмарка, год после аншлюса, убит знаменитый футболист, любимец австрийской публики. Официальная версия о несчастном случае никого не устраивает. Клюг должен найти убойные улики, способные взорвать элиту бывшей Австрии, и принести в зубах в Главное управление гестапо. Очень вероятно, что осколки политического взрыва могут долететь и до столицы Рейха.

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	14
Глава вторая	30
Глава третья	41
Глава четвертая	49
Глава пятая	56
Глава шестая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Палачи и проходимцы времен аншлюса

Влад Ревзин

© Влад Ревзин, 2020

ISBN 978-5-0051-2403-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

VIENNA 1939

Предисловие

В первой книге «Сумерки берлинских идолов» мы оставили Уве Клюга в концлагере Ораниенбург, в безвыходном положении, практически на краю смерти. Не желая показаться бессердечными, мы оставим его там еще на какое-то время, и переместимся в 1939 год. О том, как Уве выбрался из смертельной ситуации, обязательно будет рассказано, – но как-нибудь позже.

В этой книге Уве Клюг действует не по своей воле.

Чиновник гестапо принуждает бывшего полицейского отправиться в качестве «особого представителя» в Вену для деликатного расследования.

В Столице Остмарка, через год после аншлюса, убит знаменитый футболист, любимец австрийской публики. Официальная версия о несчастном случае никого не устраивает. Клюг должен найти взрывоопасные улики, способные взорвать элиту бывшей Австрии, и принести в зубах в Главное управление гестапо.

Очень вероятно, что осколки политического взрыва могут долететь и до столицы Рейха.

Клюг вынужден установить побудительный мотив смерти кумира тысяч людей, – это была месть, или устранение свидетеля, или что-то другое.

С расследованием убийства переплетается коррупцион-

ная история, в которой замешаны гауляйтер Австрии, советские поставки стратегического сырья фашистской Германии, и сразу три европейские разведки.

Читатель встретит здесь небольшую толпу отвратительнейших персонажей; полетает на самолете; примет участие в классическом мордобое. Придется стряхивать хвост и уходить от службы безопасности; вламываться в ювелирную лавку, бояться смерти и самому отнимать чужую жизнь. Надо будет собирать, анализировать и складывать осколки разбитой вазы, половина из которых пропала; искать за семь километров комара, сидевшего на носу.

В книге хозяйничают как реальные исторические фигуры, так и вымышленные персонажи; сам сюжет, близкий к реалиям, разворачивается на фоне действительно произошедших событий.

Футбольный матч, немецко-советские переговоры, грабеж еврейского населения и воровство конфискованных ценностей гауляйтером Бюркелем имели место на самом деле.

Сама история так же правдива, как и подвески королевы, — те, что стащила миледи; сюжет вплетен в ткань истории для драматизации, чтобы позабавить читающую публику.

В.Р.

«Никого не любить — это величайший дар, делающий

тебя непобедимым, так как никого не любя, ты лишаешься самой страшной боли»

А. Гитлер

– Уважаемые радиослушатели!

Сегодня 3 апреля 1938 года, прекрасный весенний день.

Великолепное время для футбола!

Это прямой радиорепортаж с «Prater Stadium» (Стадион Пратер в Вене), организованный Rundfunkgesellschaft «Radio Herald» (популярная радиостанция) совместно с Neue Freie Presse (периодическое издание).

– Сегодняшний матч, уже названный в Берлине и Вене «праздником единения», предполагает сформировать спортивные отношения между двумя странами....

– Эта встреча должна стать праздником для вновь созданной «Великой Германии». Стадион «Пратер» полностью заняли 58 000 зрителей, флаги со свастикой реют на стенах арены, а на главном портале изображен девиз «Один народ, одна империя, один лидер».

– Как вам всем известно, 15 марта Адольф Гитлер провозгласил «Въезд моего дома в немецкий рейх» на площади Хельденплац. Страну ждет народное голосование 10 апреля, которое должно развеять любые сомнения по поводу одобрения населением братания Великой Германии...

– Нас же с вами, дорогие радиослушатели, более всего интересует, к чему приведет сегодняшнее противостояние.

«Scheiberlspiel», балетный футбол с хитростью и техникой, против напора и жесткости «Machtstreik» (атакующий стиль).

– Стартовый свисток. Мячом завладевают нападающие «Остмарка». От центральной линии Ханнеман отправляет мяч по воздуху к штрафной площадке противника. Пессер и Сеста двигаются на флангах. Пессер получает мяч. Навес! Ганс Якоб высоко выпрыгивает в воздух и берет мяч в руки...

– ...восьмая минута. Биндер быстро двигается по полю, приближается к германской штрафной и делает пас на Синделара. Что происходит? Якоб бросается наперерез пасу, промахивается и вспахивает траву. Но Синделар, находясь перед воротами, резко останавливается, пасует назад,

на Шмауса...

– 24-я минута. Чем занимаются красно-белые? Они катают мяч поперек поля, а в выгодных ситуациях бьют за боковую линию, или отправляют мяч назад! Неспортивно!!

– ...Свисток об окончании первого тайма. В чем дело? Неужели наша команда решила не злить дорогих гостей, и отыграть вежливую нулевую ничью? Это вполне бы устроило президента ДФБ Феликс Линнеманна и многочисленных гостей из Берлина.

– Кстати, Линнеманн находится сейчас в центральной ложе, совместно с спортивными лидерами Рейха Гансом фон Чаммером и Остенем. Для них это счастливый перерыв...

– ...Второй тайм. Сначала Сеста, потом Рафтль старательно целят мимо ворот противника. Papiermann (Бумажный человек), как называют Маттиаса Синделара венцы, ходит пешком по полю и оглядывается на трибуны. А ведь многие австрийцы надеялись на то, чего в реальной жизни было недостаточно: сопротивление!

– На табло политический результат, – ничья. Наш «Ostmärker» решил таким образом показать свое радушие гостям? Это знаменитый венский балет, но выглядит это унижительно...

– Шестидесятая минута. Немцам не удаются атаки, пас исчез как форма игры, вратарь потерял ворота. Гости полностью развалились, – но счет не меняется.

– Как бы то ни было, игра красно-белых принимает изде-

вательскую форму. Игроки австрийской сборной расправляются с немецкой защитой, как штирский бракк с крысами. А ударов по воротам, как не было, так и нет.

– «Ostmärker» демонстрирует свой «Scheiberlspiel» (изящный латиноамериканский танцевальный футбол). Обводка, пасы, высокие скорости... но где удары по воротам?

– ...62я минута. Франц Биндер выполняет навес на линию штрафной, капитан сборной Синделар с лету бьет, попадает в перекладину, – и мяч приземлился за спиной немецкого вратаря! Наконец-то!! Ганс Якоб достает мяч из сетки! Наш «Моцарт футбола» сыграл свою партию!

– В течение 69 минут Маттиас Синделар, играющий за свою национальную сборную делал то, что от него ждали люди в военной форме, вольготно расположившиеся на главной трибуне. Он раз за разом пасовал назад, не позволяя своей команде обострять игру и спасая сборную Германии от опасности! И все-таки гол...

– Проходит еще одна минута. Сеста бьет штрафной. До ворот не меньше пятидесяти метров. Удар! Гол!!! 2:0!

– Господа, мы очень жалеем, что вы не с нами на стадионе!

– Синделар и Сеста бегут к центральной трибуне, заполненной разочарованными гостями и танцуют перед ней джигу!

– Победа! Красно-белые доказали, что они одни из сильнейших в Европе!!!

«Наша команда полностью развалилась еще при счете

0:0», – написал в отчете немецкий «Kicker» – «Ганс фон Чаммер после матча с негодованием заявил о "австрийском национализме", не забыв упомянуть форму красно-белых цветов».

Тренер сборной команды рейха Сепп Хербергер был более дипломатичен, – отвечая на вопрос корреспондента по поводу перспектив совместной сборной на ближайшем чемпионат мира, он сказал: «Венский меланж с прусским оттенком – это не может сработать».

Глава первая

Уве Клюг проснулся рано.

В комнате было темно, и прямоугольник окна лишь угадывался бесконечно малым оттенком серого.

На улице ночь дремала последние предрассветные минуты.

Вот и будильник. Пролетела с воем машина. Или пожарники, или санитарная карета, или полиция.

Он опустил ноги. Холодный пол обжег ступни. Положил голову на раскрытые ладони; долго сидел так, приходя в себя. Внутри балансировал тяжелый грузик, пытаюсь свалиться в тошноту и боль.

Усилием воли Уве укротил дрожание под солнечным сплетением, нащупали стоптанные тапочки, встал. Кряхтя, набросил пижамную куртку и потащился в санузел.

По дороге он зацепил стул, врезался плечом в наличник двери, однако наконец добрался до выключателя.

В маленьком помещении гулял холодный сквозняк. Уве пробрала дрожь, он поскорее включил нагревательный котел. Краем глаза он взглянул на бумажный календарь, приклеенный на торце шкафчика. Рекламный плакат футбольного клуба «Hertha BSC», в календаре типография красным отметила дни матчей.

2 марта 1939 года.

Такой же дерьмовый день, как и все остальные.

Он взбил пену, раскрыл бритву, обреченно намазав левую щеку. Из зеркала смотрело усталое лицо бывшего симпатяги, – все еще с правильными чертами и твердой челюстью нордического немца. Однако волосы за висками стали пегими, под глазами залегли тени, а голубые глаза окружили лучики морщин. Уголки губ давно опустились вниз, как будто, Уве Ключу только что отказали в принципиально важной просьбе. Укатали рысака крутые горки...

Он успел закончить левую щеку и часть подбородка, когда в входную дверь забарабанили.

«Откройте, полиция!»

Кое-как уравновешенный грузик сорвался и упал в желудок, расплескав ледяное содержимое.

Он аккуратно положил помазок и вытер руку о полотенце.

Конечно, в дверь стучали не легавые из Кгиро (уголовная полиция). Там, за дверью, притаилась смерть...

Маленький коридор показался длинной улицей, по которой он шел, сгорбившись и волоча ноги. Оставили бы все его в покое, наконец...

Он открыл дверь и исподлобья оглядел непрошенных визитеров.

На узкой площадке, упираясь задами в ажурные перила, стояли двое мужчин в кожаных плащах. У обоих, – немигающие глаза, оба уставились на хозяина, замершего в проёме. Он так и стоял, в трусах и пижамной куртке. А на лестнич-

ной клетке было прохладно.

– Уве Клюг?

Он кивнул. С нижней площадки, вытянув шею, выглядывала фрау Зилберт, его домохозяйка.

Тот, что стоял слева, обладатель массивного тела и круглой головы, с туго натянутой на череп шляпой, показал лежащую на розовой ладони медную бляху «Geheime Staatspolizei» (Политическая полиция). Уве успел заметить номер, – 734.

Уве стоял, не двигаясь, по левой щеке катилась капелька воды.

– Поедете с нами, – сказал второй, – невысокий изящный человек, затянутый в свой плащ, похожий на прусского офицера.

А ещё он походил на шахматного слона, которого сильно разозлили.

– Одевайтесь, – добавил тот брезгливо.

Тонкий высокий голос, как у женщины в преддверии истерики. Уве развернулся, пошел одеваться.

Они остались на площадке. Хороший знак. Если это был арест, переодевался бы под присмотром.

На улицах все еще горели фонари, по тротуарам двигались заспанные люди, перед мостом Лангебрюке машины стояли в заторе.

У самого въезда на пролет патруль проверял документы. Увидев черную «Опель-Олимпию», один из патрульных сде-

лал отмашку, позволяя машине обойти других по свободной полосе. Из этого можно было заключить, что жандармская полиция хорошо знала серию регистрационного номера автомобиля.

Клюг почувствовал, как пальцы начинают дрожать. Надо было успокоиться, ничего здесь поделывать было нельзя. Он взял себя в руки, но мозг методично просчитывал возможные причины утренней поездки. Старые дела? История с мастерской, в которой он работает? Этим занимался районный следователь, не стоило его тащить в машине в центр Берлина;... значит, что-то еще. К черту! Может быть все что угодно, – и значит, не стоит рваться на части...

Он принялся смотреть в окно, на проплывающие дома, проснувшийся громадный голод, который уже начал бить ежедневный лихорадочный пульс.

На Баеришештрассе его внимание привлек плакат на торце дома. Усатое лицо, искаженное гримасой, рука, рубящая воздух. Саарская область наша! Рейнская область возвращена в немецкую семью! Судетенланд! Hultschiner Ländchen возвращена! А теперь, – Новая Швабия!

Германская империя расширяется. Да, последние годы принесли много побед...

Они двигались в людском водовороте, проталкивались мимо повозок, автобусов, грузовиков, мотоциклов, велосипедов, трамваев. Пешеходы перебежали дорогу перед капотом, полицейские пытались регулировать потоки... Через

сорок минут машина въехала в квартал Фридрихштадт, пустой желудок Уве опять сжало холодной судорогой.

Машина подъехала к ПринцАльбертПалас, повернула в открывшиеся ворота, остановилась у крутой лестницы. Ступени вели к одной из боковых дверей.

Когда Клюг и ребята в кожаном проследовали мимо поста охраны, дежурный в черной форме коротко кивнул на приветствие массивного сопровождающего, показал пальцем в направлении пролета внутренней лестницы.

Клюг и кожаные молодцы опустили по бетонной лестнице на два этажа вниз. Четыре пролета в ад.

Это были мрачные подвалы Sipo, тайной полиции, о которой по Берлину ходили страшные слухи. Руководитель главного управления полиции, Гейдрих, слыл безжалостным преследователем евреев, коммунистов, либералов и сектантов.

Уве Клюг решил, что он пропал. Правда, он не был ни евреем, ни коммунистом, ни сектантом... но за ними пришли раньше, когда остальные жались в своих жилищах, – чтобы их самих не приняли, – за коммунистов, демократов, священников, свидетелей бога...

В начале длинного коридора тот, что пониже, схватил Уве за плечо, развернул его в пол-оборота, отчего тот покачнулся, указал на скамью у стены.

– Ждать, – приказал он, едва разжимая губы.

Уве сел. Из-за угла вышел еще один, в неизвестной Клюгу

темной форме, без знаков различия.

– Охранять, – приказал сопровождающий человеку в темном.

Невысокий не блистал большим словарным запасом. Видимо, при его работе это не требовалось.

Сопровождавшие ушли, вдоль коридора, и скоро исчезли за одной из дверей. Новый конвоир Уве сел рядом на скамейку, уперся взглядом в окрашенную желтоватой краской стену. У него были пушистые брови и тупое выражение на маленьком лице.

Следующий час длился дольше суток.

Уве успел пересчитать точки на бетонном полу под ногами, пятна на стене, изучить стальную дверь напротив скамейки. Дверь сработала из стального листа, навесили на мощные петли и снабдили врезным замком.

Что я тут делаю?

Могли бы и газеты разносить.

Он почувствовал приступ истерического смеха. Будут тебе и газеты, и чашечка кофе, и сладкий штрудель.

Он пожалел, что не одел часы. Чем не занятие, – следить за секундной стрелкой, бегущей навстречу вечности? Пока хватит завода...

Уве неплохо ориентировался во времени, но сейчас считать минуты показалось невыносимо.

В подвале то и дело сновали люди в штатском; охранник провел задержанного, – у того была рассечена губа и разо-

рван рукав. Человека затолкали в соседнюю дверь. Видимо, каждый кабинет отсекался от коридора двойными дверями, чтобы не было слышно подробностей допросов. В дальнем конце коридора разговаривали, – похоже, по телефонной связи.

Наконец из дальнего конца коридора послышались шаги. Почему-то он сразу понял, что это по его душу.

Уве Клюг всегда чувствовал беспомощность, когда дело касалось политики, пропаганды или подковёрных аппаратных интриг. Это была не его стихия. Но обыкновенно он мог судить, способен ли человек добиться успеха или нет. Часто после первого взгляда.

Этот явно достиг потолка. Среднего роста, в дешевом фабричном костюме, неопределенной внешности, в самой фигуре прописана нерешительность исполнителя.

Под мышкой человек держал картонную коробку, толщиной с патефон.

Он остановился у двери напротив скамейки, некоторое время разглядывал Уве. То ли кивнул, то ли качнул головой. Уве так и не понял, ожидал ли этот тип увидеть то, что увидел, или Уве Клюг его чем-то удивил. Тип неуверенно переступил с ноги на ногу, поджал нижнюю губу, наконец движением головы указал на дверь.

Охранник остался на скамейке, Клюг поднялся и двинулся внутрь.

В кабинете, бетонном ящике с низким потолком, чинов-

ник показал пальцем на привинченный к полу стальной стул, с узкой спинкой, обошел прикрепленный к полу же стол, устроился за ним. Положил перед собой объемистую коробку. Достал из кармана сложенный лист бумаги, развернул его и стал увлеченно читать.

Казалось, он и забыл, что не один. Читал тип увлеченно, прикусывал верхними резцами нижнюю губу, ковырялся пальцем в ухе. Ноги его, судя по звукам из-под стола, также не ведали покоя, вытанцовывали там кренделя и шаркали.

Уве лишь осталось изучать вблизи человека по другую сторону стола.

Бумагомаратель, чернильная душа, со злостью подумалось ему. Вот такие и определяют невинных людей в расстрельные канавы. Сами руки не пачкают. Грязную работу делают тупые недоумки, неучи из сел.

От долгого сидения в кабинете человек за столом приобрел бледную кожу и сутулость. С первого же взгляда он производил отталкивающее впечатление. Пробор посередине, выбритый затылок, поджатые губы, постоянно дрожащие веки.

И колкий взгляд, который ощутил на себе Уве, когда тот наконец поднял глаза. Это случилось неожиданно, когда Уве уже решил, что чтение и ковыряние в ухе продлится вечно. Вот тип читал бумагу, а вот впился глазами в Уве.

– Уве Клюг, – сказал бледнолицый. – Вы владелец мастерской «Прокат и ремонт автомобилей», механик, говорят, хо-

роший... много зарабатываете?

– Не сказал бы, пробормотал Уве. – Не то время... и не владелец я, наемный.

– Вам не нравится наше время? – осведомился человек, чуть распрямляясь – Что же вас не устраивает? Политика государства, поднятие с колен, наши внешние успехи?

Уве промолчал, прикидывая, к чему этот с бритым затылком клонит. В этой светской беседе каждое слово может привести к расстрельному приговору.

Человек напротив аккуратно сложил свою бумажку, пихнул ее во внутренний карман, опять испытующе посмотрел Уве в глаза.

– Впрочем, не будем. Да, я не представился. Гауптштурмфюрер Зедлиц. Я тут вроде за главного. Буду откровенен, и не хочу, чтобы вы тряслись зря. Наша организация заинтересована в вас. Или, иначе говоря, вы можете быть полезны полиции безопасности. Вы любите путешествовать?

– Нет.

– И тем не менее...

Хозяин хмыкнул.

– Придется полюбить. Наше ведомство хочет предложить вам прокатиться, в Вену. С неким поручением. Я уполномочен посвятить вас в детали... если вы, конечно, согласитесь.

Уве хмуро ответил взглядом на его взгляд.

– Почему я?

Человек с колючим взглядом потер руки. Казалось, что он

пытается стереть с ладоней невидимую грязь. Скорее, чернила...

– Ну, и во-первых, – вы не совсем чужд нашему учреждению. У вас ведь есть опыт работы в правоохранительных службах? Неплохой послужной список, пусть и не слишком длинный. А наше поручение потребует определенных навыков. Вы хороший полицейский!

– Был. У вас должно быть полно сотрудников, чьи навыки, гораздо выше моих...

Зедлиц неожиданно взорвался. Казалось, в будке загрохотал громадный сторожевой пес:

– Я лучше вас знаю, какие у нас сотрудники, не требуется лезть не в свое дело! Каждая мелкая шавка будет рассуждать!

Он прокричал все это, бледная кожа на щеках стала пунцовой.

И так же мгновенно погас:

– Ещё раз перебьете, найду вам гостиничный номер на этом этаже. Ванна и завтрак в цену не входят. Помалкивайте и слушайте. Вы подходите для интересующей нас роли, поверьте мне, господин Ключ. От вас не потребуется ничего сверхъестественного.

Уве опять не сдержался:

– Вы сказали, «если я соглашусь». Значит, МОГУ отказаться?

Сказал и втянул голову в плечи, кляня свой проклятый характер.

На этот раз Зедлиц пропустил нарушение, им же установленное, распорядка:

– А во-вторых, господин Клюг, вы мне должны. Да, мне, лично.

Он сплел пальцы, щелкнул суставами, пододвинул к себе коробку.

У картонной коробки оказались веревочки. Человек напротив Уве не торопясь развязал их, достал три тоненькие папочки, отодвинул коробку и бросил веером папки, – словно карты, и они легли на плоскость стола.

– Мне понадобилось провести несколько часов в архиве крипо, чтобы найти касающуюся вас информацию, погребенную в картотеке старых дел. Пришлось глотать пыль, пересмотреть сотни дел...

Зедлиц изящным жестом сдул с рукава пылинку.

Он такой же гауптштурмфюрер, как я актриса Сара Леандер, решил Уве.

Он посмотрел на папки.

На обложке первой чернел штемпель прусской полиции. Папка потрепанная, словно ее долго перемещали из кабинета в кабинет, из рук в руки. На второй и третьей папке, – орлы со свастикой, под которыми аккуратным почерком писарь внес номера дел, дробь и годы открытия следствия.

Первая папка относилась к концу лета 1933 года, что с удовольствием и зачитал вслух Зедлиц.

– Начнем, как и положено, с начала. Исчезновение Грет-

хен Хингст. Тёмное дело. Кто-то задушил бедную девушку! Один из свидетелей, если использовать юридические термины, помещает вас в нужное время, в нужное место, – в район проживания потерпевшей.

– Моё участие в исчезновении фройляйн Хингст так и не было доказано.

– Потому что следствием занимался либеральный следователь веймарского типа! – оживился собеседник. – Мы можем повторно открыть процедуру, – у нас сейчас более передовые методы. Докажем, верьте мне!

Клюг пожал плечами, ощутив на лбу капельку пота.

– Мда... Грета, Грета... А вот уголовное дело, касающееся ноября 1933 года. Герман Кляйниц, лавочник, продает вам мотоцикл P57, тот, что был куплен им же шестью месяцами ранее на аукционе реквизированного имущества. Чудо фирмы БМВ. Его жена утверждала, что мужа принудили это сделать, Кляйницу нанесли побои. Вот и фотокарточка есть... мда, сильно ему досталось. Какая жестокость...

Клюг молчал.

– Если я не ошибаюсь, мотоцикл все еще у вас, господин Клюг?

В помещении повисла тишина. Клюг мрачно смотрел в пол, – в просвет между краем стола и своими коленями.

Человек с бритым затылком явно гордился собой.

– У нас хороший архив, очень хороший. Так... И третье. Собственно, это не уголовное дело, а несколько отчетов.

Вас формально допросили, но дальше этого дело не пошло. Начало 1935 года. У нашего ведомства было полно забот. Внутренние враги, – коммунисты, социал-демократы, предатели... не до того. А сейчас можно и время найти. Не то чтобы наши сотрудники сидели сложа руки... – Он аккуратно указательным пальцем почесал висок. – Отчеты касаются обстоятельств покупки мастерской. Буду откровенен. Сделка выглядит подозрительно... если мы возьмем нотариуса, для беседы... мне продолжать?

– Видимо не стоит. Что мне делать в Вене?

– Ничего сверхъестественного, – удивленный тон и поднятые плечи, – абсолютно ничего, кроме старой полицейской работы. Сбор и классификация улик, анализ побудительных действий, мотивы... немного слезки, пару допросов. Поиск утерянных бумаг, если понадобится...

– Но у меня нет полномочий...

– Они у вас будут, дорогой господин Клюг. Какое удостоверение вам больше понравится, – специального корреспондента «Народного обозревателя», представителя МИД, старшего следователя крипо? Кроме этого, у вас будет помощник...

Уве молчал.

– Понимаю, – сказал Зедлиц примирительно. – Надо подумать, рассмотреть предложение. Время есть. Целая минута.

Он принялся тасовать дела.

Через половину минуты спросил:

– Ну как, согласны? Конечно! По глазам вижу, что согласны. Приятно работать с умными людьми.

Даже обещанной минуты не выдержал, мерзавец.

– Поезжайте домой, соберите вещи. Утром за вами заедет машина, – ну, чтобы быть уверенным в вашем решении. Приедете сюда, получите все необходимое для командировки. Оружие у вас свое, – надо взять. Всякое бывает. Наши кузены (так немцы называли австрийцев) люди покладистые, но кто знает, что может случиться. Вам надо выспаться, господин Клюг. Хорошей ночи!

Уве ушел на ватных ногах и в смешанных чувствах. Чего он сегодня утром, встав с постели, не планировал, так это Вену.

После ухода Уве Клюга чиновник Hauptamt Sicherheitspolizei (Главного управления безопасности), обозначивший себя гауптштурмфюрером, собрал папки, заключил их в коробку. Некоторое время сидел, раздумывая, подхватил коробку, вышел в узкий коридор. Отправил жестом конвоира прочь.

Ему понадобилось подняться на три этажа, чтобы достичь цели.

С каждым пролетом декорации менялись. Желтоватые пятнистые стены сменились белой штукатуркой, на втором этаже краской, а на третьем, – роскошными дубовыми панелями.

Человек с бритым затылком быстро прошел по паркету третьего этажа и свернул в высокие дубовые же двери. Створку он оставил открытой. Ему всегда казалось, что в приемной плохо пахло, – навозом и потом. Он не любил запах посторонних.

В небольшой приемной, за небольшим канцелярским столом, сидел седой человек в полувоенном кителе и что-то споро писал. Вошедший кивнул ему с плохо скрываемой брезгливостью, аккуратно пристроил коробку с папками на край стола.

– Это из архива, – сказал он вежливо. – Картотека 1933, 34 и 35.

Он стряхнул с ладоней невидимую грязь, миновал столик, – там громоздились телефонные аппараты, – помедлил, будто в сомнении, перед черной, обитой кожей внутренней дверью, но все-таки открыл, – и исчез в кабинете.

Возможно, эта привычка замирать перед каждым следующим шагом являлась частью его характера.

Человек с колючим взглядом потерял еще секунду и с этой стороны двери, оглядел кабинет, – белые стены, унылые шторы; большая карта Германии над столом.

Кабинет был так себе, без дорогой мебели и громоздких картотечных шкафов. Простой канцелярский стол, один телефон, три стула, и та самая карта с разноцветными булавками на стене. Широкое трехстворчатое окно глядело на улицу принца Альбрехта.

За столом никого не было.

Вошедший оглядел кабинет, прошел за стол, сел. Вздыхнул, глядя на россыпь бумаг, придвинул одну из них, углубился в работу.

Седой человек в приемной наострил уши, сглотнул и опасливо покосился на табличку, прикрученную к входной двери.

Надпись гласила:

«Chefberater der Regierung und Kriminalberater Heinrich Müller (Главный правительственный советник и криминальный советник Генрих Мюллер).

Глава вторая

Микаэль Сенн переехал в Цюрих из Льежа семь лет назад, открыл в деловом квартале экспортно-импортное агентство, неплохо зарабатывал, и был доволен жизнью. Агентство занималось всем понемногу: продуктами питания, углем, перевозками итальянских и немецких грузов.

Он имел склонность к твидовым пиджакам в тонкую коричневую клетку, черным зонтикам с бамбуковыми ручками, слыл англофилом. Его серое двубортное пальто казалось безупречным, а шарф тусклой расцветки надежно укрывал горло. Он вступил в местный Английский клуб, по субботам играл в бридж с такими же джентльменами в безукоризненных костюмах и бабочках в безупречно белых воротничках.

Вокзал жил обычной жизнью.

На перроне гуляли сквозняки.

Сенн ждал поезда из Парижа. Времена наступали тревожные, и стоило ожидать, что Арльберг-Восточный экспресс скоро прекратит свое существование.

Экспресс отправлялся от Кале, следовал через Париж, Базель и Цюрих, достигая Вены, Будапешта и дальше, за Белград. Он был чрезвычайно удобен для предпринимателей Центральной Европы, но последние события и активность Германии на европейском театре все более усложняли деловые коммуникации.

Да что там говорить! Над Швейцарией витала необходимость введения продуктовых карточек: на сахар и прочее...

Микаэль Сенн нервно вздохнул. Мир сползал в пропасть. Все это негативно влияло на бизнес, черт побери.

Поезд появился у дальнего конца перрона в назначенное время.

За последние десять минут народу здесь прибавилось. Парочка прохаживалась вдоль здания. Она была красива, в модном пальто, он походил на лошадь, – с длинным лицом и тонкими конечностями.

Недалеко от входа стояли люди с чемоданами. Эти сажались здесь на поезд, чтобы следовать до Белграда и дальше, с пересадкой, до Софии и Стамбула.

Экспресс остановился, шипенье заполнило вокзал. Проводники открывали двери, выставляли деревянные подставки под ступенями, вытирали мягкими тряпочками медные поручни. Сошло совсем мало людей, – совсем мало, не то, что еще полгода назад.

Сенну оставалось дожидаться, когда его посылку с образцами ароматических спиртов выгрузят из почтового вагона, и он сможет получить ее в отделении «Internationale Post» в здании вокзала.

Он уже было собрался войти в двери зала ожидания, когда его окликнул немолодой полный человек, – в широком плаще с квадратными пуговицами сверху донизу. Он только что сошел с поезда.

– Господин Сенн! Микаэль! Вот так встреча! Мамма миа!

Сенн сначала недоверчиво усмехнулся, затем его лицо озарила улыбка. Этот нос, толстая губа под ним, с игриво загнутыми усиками, как у карточного валета, – ошибиться невозможно.

– Синьор Инсинье... Вы в Цюрихе? И не дали знать?

– Я проездом, дорогой мой! – итальянец попытался широко распахнуть руки, но саквояж в левой, и толстый портфель, зажатый в правой руке не дали это сделать. – Проведу здесь три с половиной часа, и поеду дальше. Меня ждет семья, в Милане.

Он колыхнул всем своим полным телом, и все-таки попытался обнять Сенна. Швейцарец осторожно уклонился. Последние пассажиры огибали их, с улыбками поглядывая на парочку.

– Мы должны выпить по рюмочке! Или может поедем ко мне?

Итальянец удрученно покачал головой:

– Нельзя! Врачи запрещают. А вот кофе, если хотите, с удовольствием...

Сенн секунду подумал.

– Знаете что? Здесь в двух шагах, в самом начале Банхофштрассе, есть отель «Швайцерхоф». На первом этаже готовят прекрасный кофе. Хотите, – с бриошами?

– Чтобы пообщаться с вами, мне достаточно и чашечки кофе...

Несмотря на сопротивление итальянца, Сенн отобрал у него портфель.

Рука об руку они вышли на Банхоф Платц.

Они разительно отличались друг от друга, – стройный мо-ложавый британский джентльмен, и полный, тяжелый жи-тель итальянского севера.

На площади гуляли прохожие, дышали воздухом. Пароч-ка миновала фонтан, над которым бородастый Альфред Эшер сумрачно взирал на Банхофштрассе, и окунулась в прохладу и мрамор кафе «Швайцерхоф».

Сели у окна, официант сходу предложил по бокалу шам-панского, Сенн отрицательно покачал головой. Спросили ко-фе.

Итальянец обвел глазами небольшое помещение, оста-новил взгляд на аккуратной пожилой даме в старомод-ной шляпке, поедающей бело-розовый десерт, перевел глаза на Сенна, и негромко спросил:

– Ну, Димочка, как ты тут разлагаешься, на Западе? Расфуфырен, словно фон-барон...

– Так и вы, Василий Валерьяныч, не в косоворотку и са-поги обряжены.

– Это да.

Итальянец по имени Василий Валерьяныч засмотрелся в окно, потом сказал:

– Хорошо здесь, тихо. Но не надолго. Взлетит вся эта красота на воздух, только позолоченные ошметки полетят.

С бриошами, говоришь. Кстати, это что?

– Булочки. А что такое?

– А, не твоего ума дело. Плевать. Я вот чего приехал. У тебя в группе работал Джемини... что можешь сказать?

Сенн удивился:

– Что. Отличная подготовка, проверено на берлинском деле, и раньше, в Лозанне. Не хотел бы я попасть в эти руки...

– Когда-то показатели Джемини, в тренировочном лагере, дома, превышали на голову навыки всех остальных, – согласился «итальянец».

«Итальянец» оттопырил языком изнутри наружу толстую щеку, продолжил:

– Это машина для защиты и убийства. Пора отправлять Джемини в Вену. Сверх ответственное задание от хозяина. Так что у тебя будет новый кадр, прибудет через две недели. Джемини можешь вычеркивать из платежной ведомости.

– А что за...

– Ты хочешь знать, что за миссия в Вене? – спросил «итальянец».

– Да нет, конечно. Я только хотел сказать, что последний год Джемини использовали во Франции, в другой группе, так что я его шефом тут лишь формально. Только два дня, как вернули. Когда отправлять?

– Пусть отправляется послезавтра. Операция, через пять дней. Осмотрится там... а работать начинает сразу, как сядет в поезд. Тот, что через Инсбрук, в 21:15. В поезде будут

два наших товарища, Джемини сопроводит их до Вены. Все ясно?

«Итальянец» достал портсигар, тщательно выбрал одну из маленьких коричневых сигарилл, аккуратно размял.

– Закуривай!

Швейцарец взял сигариллу из пачки, большим и указательным пальцем, но так, что и уже размятая итальянцем сигарка застряла между мизинцем и безымянным пальцем. Всунул сигариллу из портсигара в рот, небрежно опустил вторую за твидовый отворот, дождался огонька зажигалки.

– Что ж, спасибо за угощение. Кофе у этих нейтральных подлецов и впрямь хорошее. Прощай, Димочка, на вокзал я и сам вернусь, подожду поезда в зале...

Он спрятал портсигар, встал, застегнул свои квадратные пуговицы, посмотрел на Сенна с высоты своего роста. Что-то не понравился Микаэлю этот взгляд.

Василий Валерьяныч развернулся, и шагнул за дверь. Вскоре его широкая спина исчезла за фонтаном.

Расставшись с синьором Инсинье, Сенн взял неторопливого извозчика, добрался, в полчаса, до своего района Энге. В гостиной он первым делом задвинул одну из ярких штор на окне, выходящего на улицу Мютенквай.

Сел к столу, положил перед собой сигариллу. Маленький цилиндрок покатался на гладкой поверхности и остановился. Он аккуратно разломил сигариллу, выудил из пахучего табака тонкую трубочку папиросной бумаги.

Бледные знаки расплзлись на прозрачном листе.

После прочтения он долго сидел, сторбившись.

Годы, что он прожил здесь, были самыми счастливыми в его жизни. У него были деньги, великолепная квартира, милая Элизабет. Он стал буржуа. Он жил, не как пролетарий, – провалились они все вместе с крестьянами и интеллигентской прослойкой, в тартарары. И пусть бы товарищей партийцев с собой забрали.

Агентство дало независимость.

Он мог прожить и сам, – без указаний и контроля, жалованья, секретных фондов. И цепей служебного долга, навечно прикованных к прошлому.

Сенн встал, подошел к шкафу, открыл нижний ящик, вытащил револьвер в батистовой тряпице. Револьвер «Schmidt» 1882 года, изящный, как скаковая лошадь. Он пересчитал патроны в барабане, взвесил тяжесть и удобство деревянной ручки.

Надел пальто, положил оружие в карман, проверил, не цепляются ли скоба или подствольный шомпол за ткань.

Потом стоял у окна, глядел на озеро и далекие деревья на другом берегу.

Сенну пришло в голову, что по-французски и немецки он сейчас может выразить желание или деловое предложение предельно внятно. Гораздо лучше, чем по-русски. Как там у Маркса, – бытие определяет сознание. А может, и не у Маркса, – а еще какого-нибудь тоскливого зануды.

Вышел, осмотрелся, скорее по привычке, тяжелым шагом пошел к воде.

У него было скверно на душе.

Сенн шел под деревьями, окаймлявшими набережную, направляясь к дальним стенам полуразрушенных старых домов на той стороне. Там, на противоположном берегу, городские власти собирались проложить улицу и построить новые дома.

Но сейчас за Китайским садом было пусто.

Молодые мамы в маленьких домиках укладывали своих детишек спать, пожилые джентльмены, курящие сигары за столиками кафе, сейчас отходили ко сну, парочки, гуляющие здесь днем у кромки воды, разошлись по домам.

Вдали, по темному озеру, беззвучно скользил пароходик, и скоро исчез в тени берега. Громада Цюрихсбергской горы тяжелым силуэтом выделялась на вечернем небе.

Он так и не собрался туда подняться.

Вода была гладкая и черная. Кусок старой еще нетронутой строительными рабочими мощенки блестел под ногами. Свет дугового фонаря просачивался сквозь голые ветви. Уединенное местечко.

От крайнего ствола сада отделилась темная фигура, преградила Сенну путь.

– Микаэль!

У Сенна перехватило дух.

– А. Джемини. Хорошо. Рад, что ты здесь.

– Штора на окне. Срочно. Что-то случилось?

– Случилось, – он судорожно хлопнул ладонью по карману, выхватил револьвер:

– Извини...

Он положил палец на курок, опоздав лишь на десятую долю секунды.

Сильный удар по руке. От локтя до плеча пронзило болью, будто ударило молнией. Револьвер вылетел из ладони, ударился с металлическим звоном о брусчатку. Пропал в темноте.

Сенн схватился за предплечье, нащупал рукоятку ножа.

Это в его руке торчал нож. Руке было тепло и мокро.

Теперь стало страшно.

Темная фигура сделала шаг вперед. Его ударили в лицо, словно кот толкнул лапой, небрежно и мягко, – он покачнулся, упал на левый бок. Он продолжал держаться за правую руку, и боль от встречи ребер с мощным покрытием прорезала бок и грудь.

Он перекатился на спину, застонал.

Над Сенном нависла тень.

– Как видишь, я был прав. Предатель...

Василий Валерьяныч...

Тяжелая ступня наступила на грудь. Он захрипел.

– Так что, Димочка, было в сообщении? Что тебя так расстроило? Так оно тебя взволновало, что ты припёрся сюда с пистолетом...

Сенн хрипло втянул воздух.

– Хозяин приказывает возвращаться в Москву, ...это неминуемый арест... я знаю, и вы знаете...

– Значит, есть за что.

Давление на грудь ослабло. Сенн застонал:

– У меня кость раздроблена. Надо к врачу...

– Будет тебе врач. В нужный момент. Почему ты решил ликвидировать Джемини?

Он тяжело дышал.

– Ну?

– Больно... дома меня обязательно расстреляют! Жить хочу!!

– Ты и так не жилец. Говори! Я сейчас, – твоя единственная надежда.

Сенн затих, потом невесомо выдохнул:

– BCR...

Василий Валерьяныч явно удивился:

– Бюро сбора информации? Ты спутался с лягушатниками? Дима, ты рехнулся...

– У них на меня есть... кое-что. Деньги должен. Запутался... немного... Игра на бирже...

«Итальянец» усмехнулся, Сенн услышал это.

– И, понятно, не на свои. А зачем полковнику Гоше смерть Джемини?

– Не знаю. И с Гоше незнаком. Я ведь не Сидней Рейли... региональный резидент... Трое суток назад сбросили в поч-

товый ящик. – Сенн застонал. – Я до последнего не хотел. Но сегодня, после сообщения решил, что пора уходить...

Только сейчас пришла холодная мысль, что это конец.

Василий Валерьяныч сказал преувеличенно иронично:

– Ну да. Тебя бы приняли, как героя. Только знаешь избитую истину, – предал раз, предашь еще...

– Я не хочу в Москву. Слушай, у меня есть деньги.

Давление опять ослабло. Сенн лихорадочно соображал.

– Много?

– Полторы тысячи франков...

Сенн замер, преодолевая боль. Схватиться за соломинку, выбраться из расстрельного подвала, жить...

– Ты же все проиграл?

– Французы. Пообещали еще...

Над ним усмехнулись.

– Ты высоко ценишь свою жизнь. Что скажешь, Джемини? В конце концов, это тебя эта сволочь собиралась прикончить. Тебе решать...

«Итальянец» снял тяжелый ботинок с груди Сенна.

Микаэль облегченно вдохнул ночной воздух. Черт с ними, с деньгами, лишь бы жить. А дальше он придумает, что делать. Он хитрый... только жить, жить...

Это был его последний вдох. Еле заметное движение ночной тени, его зрачки расширились и глаза вылезли из орбит. Кулак Джемини раздробил его горло.

Микаэль Сенн перестал существовать.

Глава третья

Андреас Шалль родился в Граце.

Его папаша торговал шкурами, держал лавку, крепко стоял на ногах. Выпивал, это правда, мать поколачивал. Ничего необычного Андреас в этом не видел.

Шалль принимал участие в Мировой войне, вернулся и осел в Лингенфелде, в баварском Пфальце. С 1921 года был вовлечен в националистические группировки, боровшиеся с сепаратизмом. Тогда он сошелся с Йозефом Бюркелем, нынешним гауляйтером Вены, и одновременно рейхсштатталь (то есть губернатор, – высокая должность!) региона.

Губернатор, судя по всему, доверял своему человечку. Шалль подвизался в канцелярии губернатора в качестве руководителя местной безопасности, и, безусловно, сотрудничал с гестапо.

Сейчас Уве Клюг сидел в машине, которую вел Шалль, смотрел сквозь стекло на улицы Вены, слушал болтовню штурмбаннфюрера.

– Гениальность фюрера, наряду с другими качествами, – вещал Шалль, ловко крутя руль, – предвидение и прозорливость. Три дня назад Эмиль Гаха появился в Берлине, и согласился на политическое переустройство своей страны. Вчера наши войска вступили в Прагу и теперь оккупируют бывшую Чехословакию, практически без сопротивления.

ния. Мы создаем в Чехии Протекторат Богемии и Моравии, а проклятые англичане и французы набрали воды в рот...

Уве покосился на Шалля.

Лицо, – кровь с молоком. Пухлые яркие губы любителя сладкой жизни. На часах восемь утра, но от Шалля пахло хорошим коньяком, сигарой, а на щеке блестел крохотный след помады.

Конечно же, Клюг не подозревал о существовании штурмбаннфюрера Шалля до той минуты, когда сошел с электропоезда, прибывшего на Западный вокзал Westbahnhof (Западный вокзал). О городке Лингенфелде, отношениях с Бюркелем, и много еще о чем рассказал ему сам Шалль.

Он быстро перешел на «ты».

– Жить будешь в роскошной квартире, – сообщил он, поворачивая на углу, где поблескивала витрина большой кондитерской «Захер». – Ты женат?

– Нет, – коротко ответил Уве.

– Везунчик. Ты хорошо проведешь время в Вене.

Уве решил, что при всей своей осведомленности этот любитель жизни состоит при шефе на побегушках. В серьезных делах не участвует.

– У меня на примете есть такая красотка... – мечтательно прослонявил Шалль.

– Мне надо работать, – сухо напомнил ему Уве. – Для начала полицейские протоколы, – место, допросы, криминология. Могу я осмотреться на месте смерти?

– Я решил, что пока тебе не стоит являться в полицейское управление, – подтянулся Шалль. – Все бумажки получишь с доставкой на дом.

– Мне надо говорить с людьми...

– Обязательно.

Машина уперлась в корму туристического автобуса, с белой крышей и зеленым кузовом.

– Удостоверение «Народного обозревателя» откроет любые двери и почти любой рот, – усмехнулся Шалль. – Скажи-ка мне, эрзац-репортер, ты в футболе разбираешься?

– Как и все, – пожал плечами Ключ.

– Любимая команда есть?

Машина подкатила к двухэтажному кремово-белому дому. Узкая улица пряталась в тени высоких лип, напротив дома тянулась ограда парка.

Уве вспомнил свой календарь.

– «Герта БСК».

Шалль заглушил двигатель.

– А почему-бы тебе не написать большую статью о футболе новой части рейха, и как наши «кузены» влились в бундеслигу?

Уве задумался.

– Да, неплохая идея, – признал он. – Даст возможность встречаться с людьми вокруг футбола.

– Вот и ладно. Со следователем я вас сведу. Идем устраиваться.

В небольшом аккуратном вестибюле немолодая женщина безмолвно кивнула Шаллю, протянула стопку конвертов.

Она стояла у небольшого окошка. Уве с недоверием осмотрелся.

Шалль хмыкнул, просматривая почту.

– Да, дом с консьержкой. А ты думал, такое заведено только в Париже? Вена богатый город. Ты увидишь, как это удобно для жизни...

«И для слежки».

Квартира на втором этаже оказалась и в самом деле приятной, – небольшая, в две комнаты, с кухней и эркером, старой мебелью и коврами на потемневшем паркете.

Входная дверь сохранила прорезь для писем, – прямоугольный проем в двери, расположенный на уровне глаз. Изнутри прихожей прорезь закрывалась откидной крышкой, на которой была выдавлена готическая надпись «Для писем».

Это, антикварные светильники на стенах прихожей и гостиной, старомодная мебель времен правления Франца-Иосифа дополняли respectable уют.

– Нравится?

– Неплохо.

– Тогда располагайся, – здесь есть ванная, приводи себя в порядок.

Шалль заглянул в эркер, прошелся вокруг гостиной, остановился у выхода.

– Вечером познакомлю тебя кое с кем. Небольшой прием у меня дома. Заеду за тобой в восемь вечера.

Уве заметил пустой квадрат на стене.

– Это съемная квартира?

Шалль уперся широко расставленными ногами в пол и расхохотался. Его плотный живот затрясся в такт с раскатами смеха:

– Съемная? Ну, конечно! Снимаем у евреев-капиталистов, пока они на курорте всей семьей. Ха! А ты шутник!

Он развернулся на каблуках и продолжая смеяться, исчез за дверью.

Как ни противно было находиться в ограбленной квартире, среди призраков сгинувших хозяев, Уве начал устраиваться.

Сейчас он сидел на стуле перед постелью, смотрел на вещи, разложенные на покрывале и курил.

Удостоверение «Народного обозревателя», пачка рейхсмарок, папка с газетными вырезками. Старый друг, девятизарядный «TAURUS PT 1911», дремал в кожаной портупее.

Он перечитал рекомендательное письмо к местному пропагандистскому отделению НСДАП. Письмо было написано как надо, – в нем ни словом не упоминалось о службе безопасности. Оно так же не давало прямой ответ, – что, собственно, делает спортивный репортер в Вене, когда все решения по объединенному футболу уже несколько месяцев принимались только в Берлине.

Но это легитимизировало его приезд, и как надеялся Уве, давало возможность не отвечать прямо на вопросы, – почему он копается в столь болезненном деле, как сомнительная смерть австрийского футболиста и любимца публики. И всегда можно ответить, что он решил заняться популяризацией австрийского спорта.

Само собой, надолго такой маскировки не хватит, но даст определенное время.

Теперь, ко всему прочему, он работает на гестапо.

Чтобы отвлечься от этой мысли, от стен квартиры, он усилием воли изменил направление размышлений. Пора систематизировать исходные данные и поставить нужные вопросы.

Итак, утром 23 января 1939 года кумир австрийских болельщиков, футболист Маттиас Синделар был найден мёртвым в своей квартире.

Следствие, которое проводила местная полиция не без участия крипо, тут же выдвинуло устраивающую власти версию о несчастном случае. Отравление угарным газом.

Эта версия оказалась настолько беспомощной, что публика в нее не поверила.

Официальное заключение таковым и осталось, но в хождение запустили другую версию. Было широко известно, что Синделар ушел из спорта в качестве демонстрации протеста против аншлюса, и превращения его родины в часть нацистской Германии. Его травили как местные «патриоты»,

так и представители Берлина, занявшие командные посты в стране. Это, якобы, вызвало у футболиста глубокую депрессию, с которой он не смог справиться.

Уве аккуратно затушил сигарету в пепельнице и взял другую.

Партийных функционеров в Берлине первые две версии устраивали. Они боялись, чтобы в головах венцев не закрепилась третья версия, – смерть Синделара стала мстью нацистов. Слишком популярен был футболист.

Миссия, к которой Клюга склонило гестапо, несомненно, была связано с этой третьей версией.

Но в чем именно заключалась его миссия? Доказать, что это было самоубийство? Но порученное задание звучало предельно ясно, – провести расследование, собрать улики, доложить реальную картину произошедшего.

Уве перевернул пачку газетных вырезок, нашел одну, из «Abend Wien» и прочел подпись, – Альфред Польгар.

Статью автор написал в возвышенно-трагическом ключе: «Синделар следовал за городом, чьим ребёнком и чьей гордостью он был, до самой смерти. Они настолько неразрывно были связаны друг с другом, что даже были убиты вместе».

В другой вырезке, в статье из «Fußballbote», отмечалось в той же тональности:

«Кажется горькой иронией, что этот австриец, горячо любивший свою родину и с трудом переживший её растворе-

ние в нацистской Германии, заплатил столь высокую цену – в глазах некоторых – за оскорбление фашизма».

Да, его здесь любили, подумал Уве...

Без стука открылась дверь и в прихожую ввалился Шалль.

– Ты еще не готов, дружище? Пора ехать! Негоже хозяину, то есть мне, болтаться в городе, когда вечеринка в доме, – сказал он со смехом. – Супруга не простит! Поехали, – нас ждет айсбайн и Блауфранкиш! Э, да ты не знаешь, что это за вино...

Глава четвертая

«Итальянец» Василий Валерьяныч, в том же широком плаще с квадратными пуговицами неслышно прошел по дорожке вагона.

В вагоне витало мягкое тепло. Пальто можно было и снять, но он так привык.

Здесь сияла латунь, мерцало лакированное дерево, мягкие подушки и зеркала создавали непривычный комфорт, – и Василий Валерьянович с содроганием вспомнил отечественный транспорт, в котором ему пришлось поездить в его хлопотливом прошлом.

Он повернул голову к окнам, где мимо проплывала аккуратная, чистая Австрия, и ему пришло в голову, что для того, чтобы никогда не возвращаться в домашний, коммунистический рай, он готов на все.

Он за все заплатил. Что-то уступаешь, становишься другим, – но в результате получаешь нечто другое, тоже ценное. Власть, например. Возможность управлять жизнями людей. Нечто от Бога.

Все равно, как называть жизнь, сказал он себе, замедляя шаг возле двери купе номер семь. Главное, – уметь жить.

Василий Валерьяныч приложил ухо к матовой поверхности двери, прислушался. Но деньги за билеты стоили дорого не зря, – здесь все было солидно, качественно, и он не услы-

шал ни звука, и улыбнулся, и сделал еще два шага, и открыл дверь в купе номер 6.

У Джемини было сосредоточенное, словно вытесанное из камня лицо, лампа оттеняла идеальные черты. Рядом сидел молодой стенографист, аккуратную короткую прическу стягивали большие эбонитовые наушники. Сотрудник покрывал лист большого блокнота своими каракулями.

– Болтают? – еле слышно спросил Василий Валерьяныч, хотя извне сквозь мягкий стук колес и скрип вагона его вряд ли кто мог услышать.

Оба кивнули.

– Продолжай слушать, – приказал Василий Валерьянович. – А ты, идем со мной. В тамбур.

Они с Джемини прошли до конца коридора и остановились в небольшом, гремящем тамбуре.

Василий Валерьянович достал сигариллы и зажигалку.

– Ну, что там?

Лицо Джемини было равнодушным:

– Сначала говорили о Москве. В основном старший, Никонов. Ничего интересного. Судя по всему, за последний час он выпил несколько рюмок, и язык развязался. Младший почти все время молчит.

– А о чем сейчас разговор?

– После Москвы Никонов распространялся, какие перспективы у его спутника, мол, с таким покровителем, как он, все возможно. Целовались...

Василий Валерьянович хмыкнул:

– Это пока лучше в стенограмму не вносить. Никонов прекрасный семьянин, – хорошая жена, двое сыновей, правда, приемных...

– Сейчас говорят о цели поездки. У Николова заплетается язык.

– А что о поездке?

– Младший...

– Виктор Осин... – уточнил Василий Валерьянович.

– ...спросил, а почему Вена. Николов начал хвастаться: какой он ценный сотрудник, – он единственный, кто на совещании с представителями Берлина обладает информацией о наших возможностях.

– Ну-ну. Ты посмотри, у них тут пепельница. Ни плюнуть на пол, ни сморкнуться. Загнивают... ладно, пошли обратно.

В купе номер шесть Василий Валерьяныч сел к столику, надел наушники. В уши вплыл сытый, умиротворенный, спотыкающийся басок.

– Залился по самые жабры, – пробормотал Василий Валерьяныч – Ладно, слушайте дальше, я пошел спать. Через два часа вас сменят Польша и Бульдог.

Работа продолжилась, «итальянец» ушел в свое купе, в соседнем вагоне.

Немного спустя прошел проводник, потом официант из вагона-ресторана, собиравший подносы с грязной посудой. Заказывали, в основном, бутерброды и вино.

Купе номер семь к этому времени превратилось в самое уютное гнездышко на планете.

– Дорогой мой Витенька, – пьяно шепелявил седой человек в парчовом халате, вязаных носках и домашних тапках. – Если мы будем осторожны и аккуратны, все будет хорошо.

Напротив, на диванчике, клубком свернулся молодой парень со смазливим лицом. Футболка «Динамо» и тренировочные шаровары подчеркивали гибкость тела.

– И что же будет? – капризно отозвался парень.

У него был бархатный, сонный и равнодушный голос.

– Если бы только мог понять, насколько важна эта поездка! Руководство оказывает мне большое доверие, и сам председатель поставил мне перед выездом задачу.

Димочка зевнул, словно спаниель, показав идеальные белые зубы. Он потянулся и пригладил короткие темные волосы.

– Хочу конфету, – промурлыкал парень.

Никонов встал, взял из чемодана коробку шоколадных конфет, достал одну, с ромом, поднес к розовым губам Витеньки.

Оближи, – ласково сказал Никонов и сладострастно вздохнул.

Сел на место.

– Эк вас распирает, – сказал парень жеманно. – Вам не отношение нужны, а слушатель, – чтобы восхищался, какой вы значительный...

– А ты бы и послушал, – Никонов закинул ногу за ногу. – Куда мы едем... Эти переговоры займут свое место в учебниках истории...

Парень состроил гримаску и обреченно махнул рукой.

В купе было жарко, аромат французских духов, помады и коньяка пополам с ромом висел в воздухе, словно персидское покрывало.

– Вы пьяны, дяденька.

– Эта встреча, – седой повысил голос. – Может и не станет главной в переговорах нашей страны, но подготовит почву...

Он икнул, потянулся за бутылкой, налил себе на два пальца, расплескав примерно столько же на бутерброд с семгой.

Джемини и молодой стенографист уже спали, лекцию слушала смена, – здоровяк Поль и маленький Бульдог, у которого щеки и губы отвисали к подбородку, и в самом деле делая его похожим на собаку...

Никонов опять налил, и жарко выдохнув, выпил Мартель, как сивуху.

– Ты ничего не знаешь, мальчик. Литвинова скоро уберут из наркоминдела. И кто станет наркомом? Да-да! Именно Вячеслав Михайлович, мой дорогой патрон. А с ним и я поднимусь, высоко-высоко. И тебя, негодника, с собой возьму. Хочешь стать дипломатом?

Витенька Осин опять свернулся клубочком, положил голову на подушку и закрыл глаза. В его мозгу звучали слова капитана Курочкина, сказанные еще в Москве:

«Не мешай старику говорить. Пусть выпьет в дороге, расслабится. Поддакни пару раз, дальше он все сделает сам. Он любит почесать языком, особенно после коньячка. И лучше тебе не вникать в то, что он болтает, иначе язык вырвут тебе...»

А Никонов-то разошелся. Он вещал, словно на собрании:
– Вся Европа убеждена, что Гитлер поднял Германию с колен. Безработица ликвидирована, дороги строит, рабочие получают хорошие зарплаты... но я тебе скажу одну вещь.

Он посмотрел на Витеньку и тот ответил ему мягким взглядом синих глаз.

– Гитлер, – идиот. Он профукал то ли 140, то ли 170 тонн золота, чтобы ублажить своих бюргеров. Ему нужны деньги. Ему нужна наша помощь. И ради сырья и продовольствия рейхсканцлер будет прыгать через веревочку. Они печатают бумажки вместо марок. И теперь у него голая задница...

Последние слова изменили направление его мыслей.

– А ну-ка снимай штаны, – сказал седой игриво.

Он попытался подняться, но ноги не повиновались, он завалился обратно на диван и долго смотрел осоловелыми глазами на пустую бутылку. Ему показалось, что у него двойится в глазах. Бутылок было две.

– Что-то я сегодня перебрал...

Голос в купе затих. Раздалось шуршание. Это Витенька Осин укладывал спать своего престарелого любовника.

Потом все затихло. Задремал Польш, Бульдог клевал го-

ловой, изредка вскидывался, вслушивался в треск наушников...

Рано утром поезд прибыл в Хауптбанхофф. Поездка Джемани в Цюрих и обратно заняла три дня.

Сегодня будет хлопотливый день, и надо многое успеть, – до вечеринки у гауптштурмфюрера Шелля.

А присутствие Джемани там обязательно.

Глава пятая

Уютный желтый дом в полтора этажа, с черепичной крышей, прятался за изгородью, сплетенной из ветвей. Летом, должно быть, – покрытая листвой, – она представляла красивое зрелище. Окна горели, из окон доносился патефон, негромкие голоса и звон бокалов.

– Это мое логово, – сказал Шалль.

Ну да, семейное гнездо, с ненавистью подумал Клюг. Отобранная недвижимость еще у одной семьи, не иначе. Свобода...

Гостиную наполняла роскошная мебель; небольшой роуль стоял в углу, под темной картиной, с изображением реки и леса на берегу. Пышные шторы на окнах, свечные канделябры, сверкающий паркет создавали ощущение аристократичности.

Здесь болтали, пили и смеялись.

Уже прикинул, – всего десятка два человек, – мужчины в темных безукоризненных костюмах, дамы в вечерних нарядах. Темные костюмы перемежались с черной и зеленой формой, но таких было меньшинство – трио военных, два эсэсовца. Последние явно контрастировали с атмосферой довоенного приема в дворянском поместье, но держались, словно хозяева.

Табачный дым клубился между завитков большой люст-

ры.

За роялем сидел молодой господин в смокинге, пытался попасть указательным пальцем в нужную клавишу.

Патефон, разговоры и бряцание струн рояля составляли приятную какофонию вечеринки, когда еще нет пьяных и все взаимно предупредительны.

Черт его знает, предположил Уве про себя. Может быть, здесь не заведено напиваться, и все благопристойно до самого разезда?

– Вот тебе бокал, – Шалль всунул Ключу в ладонь длинную рюмку с красным вином. – Идем, я тебя познакомлю. И перестань хмуриться! Ты у друзей...

Они прошли мимо большого дивана, где сидели две дамы в узких серебристых платьях. Над ними увивалось сразу четверо господ разного возраста и упитанности. У одного из мужчин на лице кустились кайзеровские бакенбарды, второй пускал электрические зайчики, отражая электрический свет блестящей лысиной.

Дамы хихикали, поворачивались то к одному, то к другому ухажеру.

У длинного стола стоял плотный человек с неприятным взглядом, мрачно жевал толстую сигару.

– Познакомьтесь, – сказал Шалль, подходя. – Старший инспектор главного полицейского управления, капитан Йоахим Лотар. Уве Ключ, Берлин.

Ни профессии Ключа, ни места работы он не назвал.

Полицейский коротко кивнул, не перестав мять в губах сигару. Глянул Ключу в лицо. У него были темные глаза, – словно зрачки, расширившись в темноте, заполнили глазные яблоки.

– О, а это наш уважаемый гость, – воскликнул Шалль, придерживав за руку седого стройного человека в строгом костюме-тройке, направлявшегося к столу с закусками.

Они отошли в сторону. Видимо, с точки зрения хозяина, дипломат не представлял для Ключа интереса.

– Где можно спокойно поговорить? – спросил Ключ.

Полицейский выдвинул нижнюю челюсть, помедлил, кивнул.

– Давайте-ка выйдем на заднее крыльцо, – предложил он угрюмо, – мне нужен свежий воздух.

Раздался грохот. Человек у рояля прекратил тыкать пальцем в рояль и свалился на пол.

– Гауптман опять перебрал, – пробормотал Лотар.

К упавшему уже шли двое слуг.

Снаружи моросил дождь, пятно света освещало влажную землю и угол аккуратно подстриженных в параллелепипеды кустов.

Лотар выплюнул окурок сигары, заменил сигаретой. У него было странное понятие о свежем воздухе.

Они остановились, обратив лица в темный сад.

– Мне посоветовали быть с вами откровенным, – сказал Лотар сквозь табак. – Пусть будет так. Что вы хотите знать?

– Что произошло с Синделаром и что знает следствие.

Полицейский ответил:

– Его нашли в квартирке над одной из кофеен. Он завершил карьеру, – деньги были, прикупил несколько заведений, в том числе и эту кофейню. Говорят, кофейня была любимая. Отравление угарным газом, комната обогревалась газовым камином. Погибла девушка, его подруга. Несчастный случай, дело закрыто.

– Показания свидетелей?

– Свидетелей чего? Нет свидетелей. Да, кое-кто считает, что расследование неожиданно свернули, что власти скрывают некоторые подробности...

– Могу я ознакомиться с материалами следствия?

Лотар молчал.

– Хорошо, я уже просил Шалля предоставить мне нужные бумаги.

– Части документов по этому делу нет, – глухо сказал полицейский. – Они, скажем так, неожиданно пропали.

– Как это случилось?

Лотар сжал губы.

– Спросите ваших коллег, – глухо сказал он.

– Что же, господин следователь, спасибо. Могу я рассчитывать на вашу помощь? Слишком много вопросов...

Лотар повернулся к нему.

– Только у меня нет ответов. Повторяю, обращайтесь к коллегам.

Он швырнул недокуренную сигару на темную клумбу и шагнул в дверь.

– Погодите, – остановил его берлинец. – Я ведь должен осмотреть квартиру Синделара...

Полицейский поглядел исподлобья:

– Хорошо. Завтра, в первой половине дня. Лучше всего до десяти утра.

– Мне подходит.

Лотар вернулся в дом.

Чуть позже и Уве Клюг вошел в гостиную.

Пьяного уже убрали. Лотар стоял на том же месте, что и прежде, пил коньяк. Он даже не посмотрел в сторону берлинца.

На Уве набежал Шалль.

– Поговорили?

От него пахло выпивкой и женскими духами.

– Без особой пользы.

– Лотар всего лишь полицейский.

– К тому же тупица, – раздался у его плеча женский голос.

Она появилась, словно из воздуха.

Уве повернул голову и посмотрел на незнакомку.

Женщина была почти на голову ниже его, черные волосы коротко острижены.

Шалль засуетился:

– Позвольте вас познакомить. Марика Фанк, личный секретарь гауляйтера. Уве Клюг, Берлин, журналист.

Казалось, его улыбка растеклась шире лица:

– Марика, – доверенное лицо, богиня канцелярии рейхс-комиссара Бюркеля по Союзу Австрии с Германским Рейхом.

Уве и женщина молчали. Шелль давился слюной и потел.

– Герр Бюркель выполняет стратегически важную работу, отвечая за полную интеграцию Австрии в качестве Ostmark политически, экономически и культурно в Рейх. И труд Марики Фанк в дело Великой Германии трудно переоценить. Эта валькирия трудится не покладая рук. Представительские поездки по близлежащим странам занимают много драгоценного времени. Да, да, это воистину правая рука гауляйтера. Кроме того, мы все преклоняемся перед ее красотой, стилем и изяществом...

– Заткнитесь, Шалль, – холодно сказала женщина. – Знаю я вас... Познакомили, и достаточно. Занимайтесь гостями, не то скоро все будут валяться под столами...

Шалля будто сквозняком сдуло.

– Берлин? Жуткое место. – Женщина скривила тонкие губы.

– А как вам Вена?

– Я прибыл лишь сегодня утром...

Она обошла Уве и стала перед ним. Глядела снизу вверх.

– И уже на приеме у крошки Шалля. Вам нужна помощь?

У нее были черные глаза, в которых отражались пятнышки света, смуглая кожа и грация хищницы джунглей. Бес-

страстное лицо египетской кошки, сработанной из черного базальтового камня.

– Не помешает, – осторожно сказал Уве.

Женщина скользнула взглядом по его волосам и лицу, склонила голову налево и направо, осматривая плечи. Чуть отодвинулась, осмотрела нижние этажи. Пришла к выводу:

– Подержанный, но вполне годен к употреблению.

Уве смешался:

– Каков есть...

– Что ж, обращайтесь. Мой телефон в справочнике. Одна из задач канцелярии гауляйтера, – помогать посланникам Берлина.

Она отошла от Уве, помахала поднятой рукой, словно ненадолго прощаясь.

Она действительно была невысокой, с правильной фигурой женщины-легкоатлета. Руки стягивала ткань платья, и Уве показалось, что изящные мышцы налиты силой.

– Вопрос в том, что стоит помощь, – пробормотал он под нос.

Уве остался один. Он выпил три порции кирша, закусил бутербродом, долго выбирал сардельку. Смотрел на гостей.

Постепенно градус вечеринки повышался. Кто-то с кем-то целовался, прикрывшись шторой. В смежной комнате играли в скат. В одном из углов соревновались на самый идиотский тост.

В дверях то и дело появлялись новые гости. Это были па-

ры, небольшие компании и, реже, – одиночки.

Светская жизнь в Вене была ключом.

У буфета с выпивкой остановился плечистый молодой красавец со скандинавской шкиперской бородкой.

– Кажется, вы пьете вишневку... – неопределенно сказал он.

Ни дать, ни взять, – капитан дальнего плавания.

– Это кирш. Но к вишне имеет прямое отношение.

– Тогда и я попробую, – он ловко налил себе стаканчик. –

А вы тот самый журналист из Берлина?

Мышцы живота Уве непроизвольно напряглись.

– Кажется, с вами я незнаком...

Бородач выпил немного, крякнул, засмеялся.

– И я вас тоже не знаю. Господин Шалль упоминал о вас.

Только что.

Он протянул руку:

– Матиас Экхольм. Знаете, я регулярно читаю вашу газету. «Народный обозреватель». Мощное издание, агрессивная пропаганда идей господина Гитлера. Производит впечатление. Простите, а вы...

– Уве Клюг.

– Да-да. Простите великодушно еще раз, – но ваших материалов я не помню. Как это я пропустил...

Клюг потер подбородок.

Маттеус и Матиас. Абсолютно ничего не означающее совпадение, – этого звали почти так же, как погибшего футбо-

листа.

Может, хорошее предзнаменование?

– Я, – спортивный обозреватель. Анализирую футбол и легкую атлетику.

Уве показалось, что бородач иронически смотрит на него.

– Нет, спорт меня не интересует, – сказал он.

Уве поспешил добавить:

– Собственно, я не публикую материалы. Я собираю нужную информацию для газеты. Работал на Олимпиаде...

– В самом деле? – равнодушно отозвался швед.

– Дорогой Уве, ты времени не теряешь, – вмешался в разговор подошедший к буфету Шалль. – Успел познакомиться с нашим другом?

– Мы как раз этим занимаемся...

Шалль снова принялся за представительские функции:

– Матиас, – шведский писатель. Весьма влиятелен у себя на родине. Сейчас путешествует по Европе. Кажется, разделяет наши великие идеи...

– Не совсем, – улыбнулся бородач.

– Ну, не скромничайте. Ваше мнение, высказанное в скандинавской прессе, и на радио, чрезвычайно ценно для нас. Кроме того, ваша книга...

– Книга? – удивился Клюг. – Вы пишете о Германии?

– О фюрере, – уточнил Экхольм. – В любом случае, мои сограждане, шведы, – а также датчане и финны, должны знать правду. Сейчас в нашей прессе германская официаль-

ная политика освещается несколько однобоко. Да и сам я не прочь разобраться. Мое правило, – хочешь изучить вопрос, напиши книгу. А там пусть будет то, что будет.

Шалль спохватился:

– Дорогой Матиас, с вами хочет поговорить Пауль Фогтс, наш финансист и промышленник. Думаю, вам обоим будет полезно это знакомство. Учтите, у него большие интересы, – здесь, в Вене. А мы с господином Ключом провернем одно маленькое дельце. А потом все выпьем!

Швед учтиво кивнул, и со стаканом в руке стал пробираться к группе гостей.

– Пусть порезвится, – буркнул Шалль. – Кроме финансиста, там еще дипломат, представитель МИДа советник Франц Крапф. Они ему споют колыбельную..

– Это настоящий дипломат, или..?

Шалль был уже хорошо навеселе, поэтому не церемонился:

– Без примесей, чистых кровей. К тому же с 1933 года унтерштурмфюрер СС и с 1936 года член НСДАП. Много таких присоединилось к движению, – разумеется, после нашей победы. Черт с ними, пойдем ко мне в кабинет.

Они поднялись по лестнице и оказались в большой комнате, обшитой полками с книгами.

– Садись за стол, и читай. То, что ты просил по делу Синделара. Просмотри, сложи в папку, запри дверь и возвращайся в гостиную.

Шелль вернулся к двери. Уве сел в кресло, спросил:

– Здесь все?

– Что ты имеешь в виду?

– Ваш полицейский проговорился, что документы по делу исчезли. Мне интересно, – это все, что осталось, или полноценное дело?

Шалль замер, держась за ручку. Помолчал, что-то прикидывая.

– Ты представитель вновь образованного IV управления РСХА, и я не посмел бы водить тебя за нос. Скажем так, здесь ПОЧТИ все. Однако некоторые документы затребованы на Морцинпланц 4, – личным указанием оберштурмбаннфюрера Ахамера-Пифрадера.

– А их можно затребовать обратно?

– Думаю, – Шелль как-будто протрезвел, – что Главное отделение гестапо в Вене готовит эти бумаги к передаче на ПринцАльбертштрассе, твоим начальникам. Так что если хочешь, можешь обратиться туда.

Он резко повернулся и вышел.

Уве Клюг просидел больше часа, – делал выписки, рассматривал фотографии полицейского фотографа, читал подписи на протоколах.

Закрыв папку, некоторое время дергал себя большим и указательным пальцами за нос, тер подбородок, высунул язык. Активизации мозговой деятельности все это не способствовало.

Потушил свет, запер дверь и вышел.

В гостиной патефон играл венгерский чардаш; несколько гостей, став в круг, старались попасть в такт. Некоторые с трудом держались на ногах.

Увидев Клюга, Шалль, пивший коньяк с одним из гостей, – здоровяком с тяжелым бровастым лицом, поднял руку.

Уве решил не пересекать гостиную, опасаясь пасть жертвой, затоптанной хороводом.

Шалль мотнул головой, пошел к нему, огибая танцующих и пьющих.

– Закончили? Идемте, угощу вас арманьяком. Повеселитесь! Обратите внимание на танцующую блондинку. Вон та, в синей блузке. Она сегодня свободна, – не теряйте времени!

Клюг покачал головой:

– Извините, но я устал. Хочу спать.

Шалль махнул рукой, расплескав содержимое рюмки.

– Ну, как хотите. Я за руль уже не сяду, так что вас отвезет водитель. Он знает, куда. Вас проводить?

– Нет, веселитесь.

Шалль покачнулся, для поддержания равновесия схватился за рукав Уве.

– Автомобиль перед домом, а Феликса я сейчас разыщу. Хорошей ночи.

– Хорошей ночи. Благодарю за приглашение.

Уве начал пробираться к выходу.

Ему хотелось на воздух, – в гостиной от ароматов табака, духов, алкоголя и жара разгоряченных тел было не продохнуть.

Когда он миновал стойку буфета, его локтя коснулась рука.

– Уже уходите?

Это был Матиас Экхольм. Светлые волосы падали на глаза. Абсолютно трезвые глаза снайпера.

Покоритель морей прислонился к столешнице, держал в руке стакан с киршем; рядом, обернувшись к буфету, стояла женщина, и в свете люстры были видны блестящие завивающиеся каштановые волосы, и белая кожа шеи, и стройная спина.

– А я вот, – швед поднял стакан, – по вашему примеру пью кирш. Хорошее пойло.

Женщина повернулась, и посмотрела на Уве, и у него упало сердце. Потому что это была Гейл.

– Познакомьтесь с моей женой, Уве, – сказал Экхольм. – Ее зовут Гейл.

Уве неожиданно для себя обнаружил, что пьян. Не в стельку, чтобы не соображать, но достаточно, чтобы наговорить чепухи.

– А я вот не обзавелся женой, – сказал Уве. – Жизнь проходит зря.

Гейл чуть заметно покачала головой. Зашторила глаза пушистыми ресницами. Индифферентно надула губы.

Швед протянул ему стакан.

– Выпейте, это вас поддержит, – засмеялся он, Ключу захотелось заехать ему кулаком в лицо.

Он сдержался.

– С меня хватит на сегодня.

Он развернулся, но тут же понял, насколько груб.

– Простите, я устал. Я был рад познакомиться с вами.

– Давайте как-нибудь выпьем, – услышал он за спиной голос шведа.

– Обязательно, – ответил он и помахал рукой, не оборачиваясь.

Глава шестая

Мелкая взвесь превратилась в честный дождь.

Струи поливали мир с усердием трудолюбивого дворника, и Уве захотелось подставить и свою голову под струи.

Он поднял воротник плаща и ступил на плитки, сразу же утонув по щиколотку. Плащ и шляпу стали бомбардировать крупные капли. Он пробежал по дорожке к калитке, шлепая по воде.

За оградой было темно. И, конечно, никаких признаков «Opel Kadett» Шалля.

– Черт бы вас всех побрал, – зарычал Уве, ежась от холодных струек, змейками заползающих за воротник. Тут же из темноты вырвались лучи света, стало видно, как к земле неслись потоки воды.

Разбрызгивая лужи, подъехала машина, и Уве облегченно вздохнул.

Это был не автомобиль Шелля, а громадный «Plymouth», детище американской индустрии.

– Эй, мокрая курица, – голос звучал насмешливо. – Забирайтесь в машину!

Уве не стал ждать второго приглашения, дернул на себя ручку, неловко влез в темное нутро.

Тут пахло тонкими духами, табаком и кожей.

– Ну, – сказала женщина. – Едем? Фриц, Донауфелдер, 7.

Мощный двигатель заворчал. Черные глаза поблескивали в темноте, от маленькой сильной руки шло тепло.

– Разношерстное сборище жуликов разной величины, эта вечеринка, – сказала Марика Фанк пренебрежительно. – Но хуже всего, – скучное. Этот позор новая элита Вены называет светской жизнью. Жалкое зрелище. Болтовня, надувают щеки друг перед другом. Моят кости отсутствующим. Сейчас они пляшут под чардаш.

Уве молчал.

– Итак, никакой вы не журналист. И не сотрудник полиции. Когда-то был, но сейчас официально ни к гестапо, ни к охранным отрядам отношения не имеет. И не... Кто же вы такой? Жалкий самодеятельный детектив без патента, механик маленькой мастерской...

Марика Фанк могла говорить, что ей взбредет в голову.

Все же он открыл рот:

– Мне больше нравилось, когда вы ругали вечеринку.

– Вы такой же гость. В хорошем костюмчике, но без определенных средств к существованию.

– Человек без будущего...

– Этого я не говорила, – она поправила волосы. – Вы обиделись? Однако вы немного колыхнули местное болотце... зачем-то главное управление решило бросить в нашу лужу камешек. Вена город большой, – однако нас, кто реально влияет на политику бывшей Австрии, не так много. Каждый новый человек представляет опасность. За каким чертом вы

здесь?

– Вас беспокоит моя персона, или обстоятельства появления? – спросил Уве.

– Нет, меня ничего не может побеспокоить, – но вам-то стоит подумать.

– Я это делаю постоянно.

Женщина раздраженно передернула плечами:

– Рада за вас.

Она изящно держала себя, – даже когда, не стесняясь практически незнакомого мужчины, подняла руку, а другой поправила бретельку под платьем.

– А вам не приходит в голову, что вам не помешают союзники, – здесь, во время вашей, скажем миссии? Чтобы вы там не затевали...

Уве начал подозревать, что бретелька не была лишь проявлением небрежности.

Он сглотнул и ответил:

– Само собой, на условиях взаимной выгоды?

Она чуть оскалила зубы, провела кончиком языка по верхней губе, неожиданно чуть слышно зарычала.

Уве почувствовал, как волоски на его плечах шевелятся.

– И на условиях взаимного доверия. Мы все тут доверяем друг другу. До такой степени, что готовы вцепиться в глотку ближнему.

Собственно, сам Уве не питал никаких иллюзий по поводу Шалля и его гостей.

Марика провела пальцем по стеклу:

– Как любит говорить советник Зальц, хотеть не вредно. Вредно не хотеть. Вы, конечно, слышали о советнике Зальце, человека из бывшего австрийского МИДа? Он участвовал в местном «Отечественном фронте», и на хорошем счету у новых властей, со времен аншлюса.

Уве коротко ответил, что ничего о нем не слышал, что слава о советнике Зальце еще не докатилась до берлинских равнин.

– Не очень-то вы общительны, – усмехнулась женщина.

Уве молчал.

– В сущности... а, к черту. Вы, кажется, человек прямой. Или говорите, или нет. Черт с вами, молчите.

Больше попыток завязать разговор не было.

– Ну и пусть, – пробормотала она, откидываясь на спинку.

На лоб упала узкая прядь волос, женщина стала похожа на мальчишку, который злится на свои непростые мальчишеские проблемы.

Уве смотрел на скользящие мимо машины здания. Он будто забыл о женщине рядом.

Тяжелые дома давно несуществующей империи, сработанные из светлого камня, бледными пятнами вырывались из дождливой мглы. Отсветы фонарей на стенах, покрытых въевшейся намертво пылью десятилетий. Никакой дождь не смоем. Громоздкая симметрия некогда грозной столицы огромного государства подавляла, и вся эта тяжеловесная

архитектура, призванная вбивать по шляпки скрепляющие гвоздики монархии. А головы вольнодумцев тем более.

Сейчас все это тяжелое великолепие казалось неуместным, как рыцарские латы на рабе...

Уве вспомнил человека с ПринцАльбрехтштрассе, с бритым затылком и плохими глазами. И его слова. Они звучали в его голове:

«Разберетесь со смертью футболиста, найдете нужные нам улики, – и мы забудем про ваши маленькие грешки...»

Разожмет ли челюсти гестапо, получив требуемое, – это вопрос без ответа. А выхода нет. Но сначала надо найти это требуемое...

У дома номер семь по Донауфелдер водитель притормозил, аккуратно притерся к тротуару, попав прямо в желтое пятно уличной лампы. У водителя из под фуражки торчали розовые уши. Марика Фанк около минуты изучала затылок, потом приказала:

– Фриц, здесь через час... – покосилась на Уве. – Через два часа.

И повернула лицо к берлинцу:

– Я могу рассчитывать на чашку кофе... или что у вас там найдется?

Клюг открыл дверцу, выбрался под дождь, обошел машину и подал женщине руку.

– В этом доме есть дежурная, – сказал он негромко.

– Знаю, – ответила Фанк невозмутимо, – Именно я при-

нимала ее на службу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.